

© 1995 г. К.Х. ШМИДТ

К ВОПРОСУ О ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНЕНИЯХ И КАТЕГОРИИ ЛИЦА В КАРТВЕЛЬСКОМ И ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Личные местоимения (ЛМ) и притяжательные местоимения (ПМ) двух первых лиц являются протокартвельской категорией, реконструкты которой выводятся из материалов дочерних языков картвельского, грузинского, древнегрузинского, мегрельского, лазского и сванского; мегрельский и лазский объединяются нередко под общим названием "занский":

(1)

1 sg. **me*: груз. *me*, зан. *ma*¹, сван. *mi*; ПМ **čkem*:- груз. *čem*-, зан. *čkim*-, сван. *mi-šgu*;

2 sg. **škwen*: груз. *šen*. **si*: зан., сван. *si*; ПМ **škwen*:- груз. *šen*-, зан. *skan*-, сван. *isgu*;

1 pl. *čkwe(n)*: груз. *čuen*, лаз. *čkun*, мегр. *čki* (сван. *nä-j* этимологически отлично); ПМ сван. экскл. *ni-šgwe-j*, инкл. *gu-šgwe-j*²;

2 pl. **t'kwen*: груз. *tkuen*, зан. *tkvan*, сван. *sgä-j* < **šdkw-e*- (вокализм аналогичен вокализму в *nä-j*); ПМ сван. *isgwe-j*.

Эти реконструкторы, в отношении которых не во всех случаях наблюдается единство мнений³, дискутируются уже со времен Ф. Боппа и Г. Розена [Bopp 1846; Rosen 1847; ср.: Cikobava 1938; Gamqrelidze 1959; Климов 1964; Martiresovi 1964]. Следует отметить аналогии, контаминации и смешанные формы, которыми особенно характеризуется сванский:

(2)

(a) *mi* (1. sg.) вместо **me* по аналогии с *si* (2. sg.);

(b) *mi-šgu* "мой" с -и по аналогии с *isgu* "твой";

(c) *mi-šgu* "мой", *ni-šgwe-j* (exklus.), *gu-šgwe-j* (inkl.) "наш": гибридные формы с префигированными личными аффиксами объекта (№ 15);

(d) *nä-j* "мы": контаминация из объектного личного префикса *n*- (№ 15) и неясного гласного (№ 1), ср. также 1-е лицо ед. числа груз. *men*, лаз. *man* с аналогичным примыканием -и (по 2-му лицу ед. числа).

Парадигматически обусловленные инновации подобного рода можно типологически сравнить с аналогичными процессами, которые Бругман [Brugmann 1911 : 386 и сл.] восстановил для индоевропейского:

(3)

1. pl. по 1. sg.: пали *mauam* (для др.-инд. *vayām*) по **mē*-, сходно с литов. *mēs*, dual. *mīdu*, др.-болг. *my*, арм. *mek'*;

1. sg. по 2. sg.: др.-авест. dat. *ma'bya* (в противоположность более древнему др.-инд.

¹ Более поздние формы с -и в груз. *men*, лаз *man* объясняются по аналогии со 2-м лицом ед. числа **škwen* и с парадигмой мн. числа.

² Иначе в работе: [Penixi, Saržvelaze 1990 : 338].

³ К реконструкции сибилантов и аффрикат ср. недавнюю работу [Fähnrich 1992]. В объяснении Ферриха груз. *sa*-, *si*:- сван. *la*-, *li*- как латеральных (с. 142) отсутствует указание на работу К.Х. Шмидта [Schmidt 1962 : 78].

māhyam с *h=gh*) по аналогии с *taⁱbyā*; др.-ирл. *mo* "мой" + лениция (вместо назализации) по аналогии с *do* "твой" + линиция и т.д.

Что касается 3-го лица ЛМ, то для него прежде всего верна установка Е. Бенвениста: «Нет афрезы лица, а есть только афреза не-лица, имеющая своим признаком отсутствие элементов, особо определяющих "я" и "ты"» [Benveniste 1946 : 225–236 и сл.]. Определение 3-го лица как "неличного" имплицитно совпадает с указательным местоимением. В противоположность картвельскому и другим группам кавказских языков (КЯ) индоевропейские указательные местоимения принадлежат к классу так называемых родовых местоимений [Brugmann 1911 : 310 и сл.]. Кроме того, дифференциация по мужскому и женскому роду может в отдельных случаях переноситься на одно из первых двух лиц. Результат этого явления типологически напоминает ситуацию в семитском (ср., например, дифференциацию по мужскому и женскому роду во 2-м лице ед. числа и во 2-м лице мн. числа в др.-еврейском):

(4)

1. sg. тох. А: номинатив + косвенный падеж: муж. род *nāš*, жен. род *ñuk*; генитив: муж. род *ñi*, жен. род *nāñi* (тох. Б: *ñāš* (*ñiś*); *ñi*); аккузатив, мн. числа др.-инд. *yuṣmān* "вас" (новообразование вместо **usme-*: ср. № 11), затем при обращении *yuṣmās* (жен. род) vs. РВ 1,13. 11, 47; др.-инд. *bhagavant-*, *bhavant-* "превосходный", "осчастливленный" > "ты" (при обращении) обуславливают появление форм жен. рода *bhagavañi*, *bhavañi* [Krause, Themas 1960 : 162; Wackernagel 1929–1930 : 449, 467 и сл., 485 и сл.].

В то время как три группы КЯ, т.е. картвельские языки (КаЯ), восточнокавказские языки (ВКЯ) и западнокавказские языки (ЗКЯ), не имеют, как установлено, грамматического рода, ВКЯ располагают принципом классного словоизменения, при котором, по реконструированной Г. Деетерсом [Deeters 1963 : 1–79] модели, существительные селективно подразделяются на четыре класса, а подчиненные им члены предложения, т.е. определения и предикаты, соотносятся с ними по классу с помощью различных по своему звуковому оформлению классных экспонентов (КЭ).

(5)

Классные экспоненты в ВКЯ по Г. Деетерсу [Deeters 1963 : 4]:

	sg.	pl.
I. Мужской класс	<i>w</i>	–
Разумные существа	–	<i>b</i>
II. Женский класс	<i>j</i>	–
III. Другие индивиды (животные, растения, материальные вещи)	<i>b</i>	<i>d</i>
IV. Имена вещественные, собирательные	<i>d</i>	<i>d</i>

Для определений и предикатов классное словоизменение является, таким образом, грамматической категорией⁴. Классное словоизменение находит, например, применение в системе указательных местоимений в восточнокавказском аварском языке:

(6)

Номинатив : эргатив : класс I *do-w* : *do-s* "ille", класс II *do-j* : *do- :l* "illa", класс III *do-b* "illud" [Čikobava, Cernvadze 1962 : 216; Charachidze 1981 : 76 и сл.].

Общей для КЯ и для индоевропейских языков является обозначенная Бругманом в качестве дейктической (δεδίς) категория, которая встречается в различных системах, чаще в трех- или двухчленных (сам Бругман исходил из четырехчленной системы), и которая выражает удаленность от говорящего того объекта, на который указано с

⁴ О терминологическом различии между *inflectional* и *selective* ср. [Ch.F. Hockett 1958 : 230].

помощью указательного местоимения [Brugmann 1904; Wackernagel 1926 : 102 и сл.; Szemerényi 1989 : 215 и сл.];

(7)

Адыгейск. *mə*- "hic", *mo*- "iste", *a*- "ille"; авар. *(h)a-w* "hic", *(h)e-w* "iste", *do-w* "ille"; др.-груз. (номинатив : эргатив) *ese* : *aman* "hic", *ege* : *magan* "iste", *igi* : *man* "ille"; сван. (верхнебалхский) *ala* : *amñem* "hic", *eža* : *ežñem* "ille"; мерк. *tena* : *tenak* "hic", *tina* : *tinak* "ille"; лат. *hic*, *iste*, *ille*; арм. *ay-s*, *ay-d*, *ay-n*; хет. *kā*- "hic", *apa*- "iste, ille": ср. *kēz KUR-az-apiz KUR-az* "из этой страны" – из той страны" > "из моей страны – из твоей страны" [Friedrich 1960 : 135].

Следует еще остановиться на систематической конфронтации картвельских синтагматических дейксисов с синтагматическими дейксисами других языков, например, в связи с древнегрузинскими и древнеармянскими переводами библии (ср. также № 25) (к др.-арм. ср. [Jungmann 1964–1965]). Важно заключение, сделанное Вакернагелем [Wackernagel 1926 : 102, прим. 10] в отношении индоевропейского: в случае "jeper-Deixis" делается указание на что-либо более далекое во времени и пространстве или на потустороннее ("auf das in Raum und Zeit weiter zurück-, entfernter liegende oder das Jenseitige gewiesen wird"); например:

(8)

εὐδαίμωνες τοὶ εἶσιν οἱ ἐκεί τῶν ἐνθάδε Plato, Ap. 41c.; ср. нем. *Jenseits*, франц. *l'au-delà*.

При рассмотрении ЛМ и ПМ особый интерес представляют три феномена, на которых мы остановимся ниже.

(9)

А. Супплетивизм. ЛМ.

Б. Ущербный характер ЛМ.

В. Вхождение ЛМ в категорию глагола.

А. Супплетивизм

Одним из признаков засвидетельствованного за пределами анатолийского и.-е. местоимения 3-го лица ед. числа **se*, **sā*, **tod* "он, она, оно" являются лежащие в основе местоимения **so*/**tod* супплетивные отношения, которые поначалу касались местоимения **so* предположительно с общим родом (*genus commune*), а с развитием местоимения **sā* женского рода распространялись лишь на мужской род. Однако предстоит найти надежное объяснение супплетивных отношений у местоимений **so*, **sā*, **tod* в индоиранском, греческом, германском, албанском (в литовском и древнеболгарском с обобщением **to*-, а в кельтском с экспансией *o*- **so*⁵):

(10)

др.-инд. *sā(sa-h)*, *sā* : *tāt*; авест. *hā*, *hō*, *hā* : *tāt*; греч. *ὁ* (ὅς), *ἡ* : *τό*; гот. *sa*, *sō* : *þata*; лит. *tās*, *tā* : *tai* (*tai* "das, so"); др.-болг. *тъ*, *ta* : *to*; кельт.-ибер. (Bottoirita) *šos* (ном.) : *šomui* (дат.) (ср. корреляцию *iomui* ... *šomui*); *šaum* (ген. пл. fem.).

И все же предложенная Бругманом [Brugmann 1911 : 313 и сл.] теория могла быть близка к истине: «Тот факт, что первоначально основа **so* относилась только к падежу субъекта (*Subjektasus*), а не к косвенным падежам, и ее применение ограничивалось областью форм мужского и женского родов, но не среднего рода, дает возможность заключить, что его дейктическая природа в начальной позиции была несколько отлична от дейктической значимости основы **to*: ср. изолированность "основы" номинатива: нем. *ich*, др.-инд. *ahám* и т.д. наряду с формами на *m*- : *meiner*, *mir*, *mich*» (§ 398) Типологическое сопоставление супплетивизма у этого местоимения 3-го лица ед. числа с картвельскими парадигмами, приведенными под № 7, – номинатив : эргатив : др.-груз. *ese* : *aman*, *igi* : *man*, сван. *ala* : *amñem* – не дано, однако, при этом непосредственно: в картвельском материале синтаксически соответствующую

⁵ Ср. однако др.-ирл. *tó*, "yes" < **ted* "that" и инфигированные местоимения класса Б: *t^h/d^h* / < **tom*; *t^h/d^h* / < **to* < **tod*; *ta*, *da* < **t^hms* и другие [R. Thymeyen 1946 : 110].

щий немаркированному падежу *Casus indefinitus* в эргативной системе номинатив ед. числа (в древнегрузинском с более поздним номинативом мн. числа, в сванском с поздней парадигмой мн. числа для всех падежей) отличается от косвенных падежей, которые образованы от эргатива: праиндоевропейской супплетивной паре **so/*to* противопоставляется активный субъектный падеж с протоиндоевропейскими формами остальной части парадигмы. Состояние в картвельском функционально *mutatis mutandis* напоминает поэтому сформулированный А. Магометовым [Магометов 1965 : 97] "принцип двух основ", согласно которому "от именительного падежа (падежа, самого по себе неоформленного...) образуется эргатив, а эргатив лежит в основе косвенных падежей". Структурная же модель **se/*to*, напротив, соответствует функционально индоевропейскому супплетивному отношению в 1-м лице ед. числа и в 1-м и 2-м лице множ. числа:

(11)

номинатив : аккузатив : 1. sg. **eġH-* : **(e)me-*; 2. sg. **tuH-* : **t(w)e-*; 1. pl. **wei-* : **ŋs-me*, 2. pl. **jūs* : **us-me* [Schmidt 1978; Szemerényi 1989 : 228, прим. 10].

В индоевропейском, как и в картвельском (ср. № 1, 2), ПМ образуются от ЛМ. О. Семёреня [Szemerényi 1989 : 233, прим. 10] относит следующие местоимения к самым ранним и.-с. формам:

(12)

(e)mos*, **tmos*, **ŋsmos*, **usmos* > греч. ἔμός, τέ(φ)ός (tewos*), ὄμμος, ὕμμος (ср. № 21); авест. *ma-* "meus", *θwa-* "tuus", др.-инд. *tva* "tuus"; ср. также энклитики **mei/*moi* > лат. *meus*, др.-болг. *mojъ*, гот. *meina-*; др.-инд. (ablat.) *mad* > **madīya-* "meus", *tvad* > *tvadīya* "tuus"; образования на **(t)eres* : греч. ἡμέτερος, ὑμέτερος, др.-лат. *noster*, *voster*, гот. *unsara-*, *izwara-*; ср. также др.-хетт. *-mi-*, *-ti-*, *-si-*, *-šmi-* [Friedrich 1960 : 65, прим. 11].

С другой стороны, зафиксированные индоевропейские формы ЛМ 3-го лица ед. числа, 1-го лица ед. числа, 1-го лица мн. числа, 2-го лица мн. числа (ср. № 10, 11) могут быть истолкованы как реликты оппозиции агентивного падежа, как предтечи более позднего номинатива в ударной позиции и супплетивно образованной основы неагентивного характера в первоначально безударной (энклитической) позиции. Более поздние формы номинатива **so*, **eġH-*, **wei-*, **jūs* могли в период их функционирования в качестве форм агентивного падежа в доисторической активной системе [Schmidt 1986] соответствовать типу "самостоятельного актива", если охарактеризовать соответствующее понятие по аналогии с введенным И.И. Мещаниновым термином "эргатив самостоятельный" [Чикобава 1967а : 13].

В качестве этимологической основы к местоимению **so*, равно как и к находящемуся с ним в отношении дополнительной дистрибуции **to*, Э.К. Стертевант рассматривает засвидетельствованные хеттские союзы предложения [Sturtevant 1964 : 108 и сл.; ср. Гамкрелидзе, Иванов 1984, I : 362 и сл.]: "Мы реконструируем индо-хет. *so* наряду с *to*. Аналогическое изменение унаследованного хеттского **ša* в **ši* под влиянием общего *ni* – не удивительно". Отклонение анатолийского могло бы служить поводом к тому, чтобы сходным образом, как при дифференциации общего рода (*genus commune*) или при появлении перфекта состояния, рассматривать отделение анатолийских языков как *terminus post quem* в развитии местоимения **so/*to*.

Картвельские параллели к индоевропейским супплетивным образованиям в 1-м лице ед. числа и в 1-м и 2-м лицах мн. числа (см. № 11) ограничены 1-м лицом ед. числа в грузинском и 1-м и 2-м лицом ед. числа в мегрельском и лазском:

(13)

1. sg. груз. *me*, зан. *ma* (nom., erg., dat.) : **čkem-* (груз. *čem-*, зан. *čkim-*); 2. sg. груз. *žen*, зан. *si* (nom., erg., dat.) : **škwēn-* (груз. *žen-*, мегр. *skan-*, лаз. *škan-*).

Происшедшее в грузинском обобщение косвенной основы *žen* во 2-м лице ед. числа (с одновременной утратой картв. **si* для номинатива, эргатива и датива) сопоставляется типологически с развитием в древне-болгарском и литовском, речь идет о вы-

теснении *so посредством *to (№ 10). С другой стороны, засвидетельствованная в саанском экспансия *mi* и *si* (номинатив, эргатив, датив 1-го и 2-го лица ед. числа) находит свою типологическую параллель развития в кельтском (№ 10). Во всяком случае разделение падежей в картвельском не соответствует типологически индоевропейскому состоянию: как было показано в № 13, груз. *me*, зан. *ta* и зан. *si* полифункционально соотносены с номинативом, эргативом и дативом, а не просто с эргативом как с агентивным падежом; в сванском *mi* и *si* в результате только что описанного процесса экспансии все же остаются нефлектированными, т.е. соотносены со всеми падежами. К различным функциям др.-груз. *me* ср. № 14:

(14)

др.-груз. *da aha esera me tkuen tana var* (от Матф. 8, 20) καὶ ἰδοὺ ἐγὼ μετ' ὑμῶν εἶμι – *gkitxo tkuen meca siṭquaj erti, da tkuen momiget me* (от Мар. 11, 29) ἐπερωτήσω ὑμᾶς ἕνα λόγον, καὶ ἀποκριθῆτέ μοι – *aç me natel-gcem. tkuen çḡlita sinanulad, xolo romeli-igi čemsa šemdgomad movals, uzliers ars čemsa* (от Матф. 3, 11) ἐγὼ μὲν ὑμᾶς βαπτίζω ἐν ὕδατι εἰς μετάνοιαν. ὁ δὲ ὀπίσω μου ἐρχόμενος ἰσχυρότερός μου ἐστίν.

В сванском супплетивизм в пределах первых двух лиц сконцентрирован на отношении между ЛМ и ПМ; их этимологическое тождество представлено во 2-м лице мн. числа (во 2-м лице ед. числа оно спорно):

(15)

ЛМ 1. sg. *mi*, 2. sg. *si*; 1. pl. *nä-j*, 2. pl. *sgä-j*; ПМ 1. sg. *mi-šgu*, 2. sg. *isgu*; 1. pl. (exklus.) *ni-šgwe-j* (inkl.) *gu-šgwe-j*, 2. pl. *isgwe-j*; личнообъектные инфиксы: 1. sg. *m-*, *mə-*; 2sg. *ž-*, *žə*; 1. pl. (exklus.) *n-*, *nə-*, (inkl.) *gw-* *gu-*; 2. pl. *ž-* ... (-x), *žə* ... (-x) (ср. № 1; 3).

В ВКЯ и в ЗКЯ супплетивизм первых двух лиц у ЛМ и у ПМ не получил большого развития. Номинатив и эргатив могут совпадать или различаться только по наличию падежного показателя у эргатива:

(16)

Адыгейск. номинатив : эргатив : 1. sg., 2. sg. *se*, *we*; 1. pl., 2. pl. *te*, *šwe*; ПМ *sesəje*, *wewəje*; *tetəje*, *šwešwəje*; сев.-табасар. ном. *izu ermiza* "я человек" : эрг. *izu apnuza xal* "я построил дом"; 2. sg. *iwi ermiwa* : *iwi apnuwa xal*; 1. pl. *iči ermijarča* : *iči apnuča xal*; 2. pl. *ič'u ermijarč'a* : *ič'u apnuč'a xal* [Магомедов 1965 : 173].

Варианты, в том виде, как они представлены в аварском или чеченском, требуют дальнейшего рассмотрения:

(17)

Авар. номинатив : эргатив : 1. sg., 2. sg. *dun* : *di'ca*, *mun* : *du'ca*; 1. pl., 2. pl. *niž* : *niže'ca*, *niž* : *nožo'ca* (ср. № 6); чечен. номинатив : генитив : эргатив : 1. sg., 2. sg. *so* : *san* : *aç*, *ç'o* : *ç'an* : *aç*; 1. pl., 2. pl. *waj* : *wajn* : *waj*, *txo* : *txan* : *oxa*.

Б. Дефектный характер ЛМ

Два признака определяют ЛМ в индоевропейском и картвельском: (а) дефектный характер категории ЛМ, который имеет своим следствием полифункциональность отдельных морфем, и в результате этого – (б) тенденция к построению монофункциональной парадигмы по именному образцу: признак (а) соответствует индоевропейскому и картвельскому, в то время как признак (б) обнаруживается больше в индоевропейском.

В пределах индоевропейских языков ударные и безударные, т.е. энклитические формы, представлены рядом в тождественной функции в косвенных падежах [Rix 1976 : 177].

(18)

Аккузатив, ед. число: греч. *ἐμέ* : *με* др.-инд. *mām* : *mā*, др.-болг. *мене* : *ме*; аккузатив, мн. число: греч. *ἐμᾶς* : – др.-инд. *asmān* : *nas*, др.-болг. *насъ* : *ну* [Rix 1976 : 177].

Для энклитических форм правомерно следующее утверждение Вакернагеля, сделанное им для древнеиндийского: "Для энклитических форм характерно то, что мно

гие из них служат для выражения различных падежей; так, *me*, *te* выражают как генитив, так и датив (в отдельных случаях и другие падежи), в двойственном и множественном числах – также аккузатив, датив и генитив" [Wackernagel 1929–1930 : 471, прим. 6].

(19)

1. Sg. Gen. **mene* : enkl. (Gen. Dat.) **meil/*moi*; 2. Sg. Gen. **tewe/*tewe* : enkl. (Gen. Dat.) **t(w)eil/*t(w)oi*. Enkl. : 1. dual PB *nau*, Ав. г. *nā* (Gen.), греч. *νῶ* (Nom. Akk.), др.-болг. *na* (Akk.); 2. Dual PB *vām*, Ав. г. *vā* (Akk.), др.-болг. *va* (Nom. Akk.); 1. pl. PB *nas*. Ав.г. *nō* (Akk. Dat. Gen.), *nā* (Akk.), др.-болг. *ny* (Akk. Dat.), лат. *nōs*; 2. pl. PB *vas*, Ав.г. *vō* (Akk. Dat. Gen.), *vā* (Akk.), др.-болг. *vy* (Akk. Dat.); лат. *vōs* [Szemerényi 1989 : 228, прим. 10 470 и сл.; Wackernagel 1929–1930 : 470 и сл.].

Тенденция к построению в системе местоименной парадигмы, аналогичной именной, четко выражена в индоевропейском в развитии неэнклитической местоименной парадигмы. Так, например, в санскрите:

(20)

1. sg. *aham*, *tam*, *maya*, *mahyam*, *mat*, *mama*, *mayi*;
2. sg. *tvam*, *tvam*, *tvaya*, *tubhyam*, *tvat*, *tava*, *tvayi*;
1. pl. *vayam*, *asmān*, *asmābhiḥ*, *asmabhyam*, *asmat*, *asmākam*, *asmāsu*;
2. pl. *yuyam*, *yusman*, *yusmābhiḥ*, *yusmabhyam*, *yusmat*, *yusmākam*, *yusmāsu*.

Стремление к синтаксическому согласованию типа 1 : 1 проявляется, как заметил Бругманн [Brugmann 1911 : 378], и у местоимений: "Местоимения *wir* и *ihr* в том случае, когда их относят к двум лицам, часто используются оппозитивно или предикативно с формами двойственного числа; в случае же, когда их относят к трем или более лицам, они используются с формами множественного числа. В этих случаях к личным местоимениям, которые, по образцу дуалиса или множ. числа соотносились со многими лицами, и к возвратному местоимению, если оно относилось ко многим лицам (в одних языках в меньшем, а в других в большем объеме) присоединялись падежные показатели в двойственном или множественном числе".

(21)

лесб. ὕμμε (ὕμμε ἑρόντας), ἄμμε (ἄμμε φέροντας) дор. ὕμέ, ἄμέ > гом. ὕμέας, ἡμέας, атт. ὕμῃς, ἡμῃς; др.-инд. *asmān* "нас" (акк.) по *āśvān* (акк. множ. ч. о-основы), *asmāsu* (лок.) по *āśvāsu* (лок. множ. ч. ā-основы); дуалис *yuvābhyām*, *yuvabhyam* (инстр. дат. алб.): инстр. для *yuvā* в *yuvā-dattas* "который вами двумя дан".

Материал картвельских языков подтверждает дефектный характер ЛМ: речь идет об отсутствии дифференциации между номинативом, эргативом и дативом (ср. № 13, 14), на которое указывал уже в связи с грузинскими фактами А. Чикобава [Чикобава 1967б : 38 и сл.]. В роли этих падежей выступает именительный падеж, точнее, основа: *me* "я", "мне" ..., *šen(a)* "ты", "тебе", *čven(a)* "мы", "нам", *tkven(a)* "вы", "вам". Это недифференцированность основных падежей архаична. Трансформативный и творительный от основ личных местоимений не образуются; *čem-da* // *čem-ad(a)*, *šen-da* // *šenad(a)* и т.п. образования заимствованы у притяжательного *čem-i* "мой", *šen-i* "твой" и т.п. Те же основы *čem-*, *šen-*, *čven-*, *tkven-* использованы для родительного падежа: *čem-tvis* "для меня", *šen-tvis* "для тебя", *čven-tvis* "для нас", *tkven-tvis* "для вас" (*čem* без послелога в значении родительного падежа известно из древнегрузинского языка):

(22)

me "я", "мне", *šen(a)* "ты", "тебе", *čven(a)* "мы", "нам", *tkven(a)* "вы", "вам"; трансформатив *čem-dal* // *čem-ad(a)*, *šen-dal* // *šen-ad(a)*; *čem-i* "мой", *šen-i* "твой" : *čem-tvis* "для меня", *šen-tvis* "для тебя", *čven-tvis* "для нас", *tkven-tvis* "для вас" : др.-груз. *čem* "меня".

Как поздний процесс следует рассматривать заимствованные базиса трансформативного и инструментального падежей из ПМ, т.к. по всем правилам ПМ, наоборот, образуются от ЛМ (ср. № 2). Этот принцип, т.е. образование ПМ от ЛМ, действует

также в случае атрибутивного ПМ в древне-хеттском:

(23)

Др.-хетт. 1., 2., 3. sg. : *-mi-*, *-ti-*, *-ši-*; 2., 3. pl. : *-šmi-*, *-šmi-*, например, *kardijaš-taš* "твоего сердца", *atti-ši* "к своему отцу" [Friedrich 1960 : 65 и сл.; Schmidt 1982 : 358 и сл.]⁶.

Суффиксальная флексия этой древнехеттской категории напоминает префиксальные ПМ в ЗКЯ, как, например, в адыгейском, где, однако, кроме того, присутствует семантическая дифференциация по вещи и органической принадлежности [Рогова, Керашева 1966 : 68 и сл.]. Для сванских ПМ (№ 15) принцип образования ПМ от ЛМ приобретает особый вес, т.к. здесь через своего рода "secondary split" [Hoenigswald Н.М. 1960 : 93], т.е. через экспансию полифункциональной падежной морфемы для номинатива, эргатива и датива в остальную часть парадигмы, подтверждается доисторическое единство ЛМ и ПМ.

Тенденция к построению парадигмы монофункциональных единиц по образцу имени в КаЯ представлена слабее, чем в индоевропейском. Тем не менее сформулированное Шанидзе [Šanidze 1976] правило ("Личные местоимения *me*, *šen*, *čuen*, *tken* не склоняются; *me* чередуется в генитиве с *čem*: *čemtuis* "для меня", *čemgan* "от меня") [Шанидзе 1982 : 51] становится относительным ввиду употребления флектированных ПМ в функции ЛМ.

(24)

uzlieres ars čemsa (Mt 3, 11) ἰσχυρότερός μου ἐστίν (N 14); *rametu egre devnes činačarmetčuelni igi, romelni ičvnes ucinares tkuensa* (Mt 5, 12) οὕτως γὰρ ἐδίωξαν τοὺς προφῆτας τοὺς πρὸ υμῶν.

В. Вхождение ЛМ в категорию глагола

Картвельские языки разделяют с древней индоевропейской языковой общностью личное словоизменение глагола, которое проявляется в индоевропейском в различных классах личных окончаний, дифференцированных по активу: медиопассиву : перфекту и по первичным и вторичным окончаниям. В картвельских языках дополнительные личные окончания, ограниченные сферой 3-го лица, противостоят личным префиксам для обозначения первых двух лиц (лично-субъектные префиксы) или соответственно всех трех лиц (лично-объектные префиксы). Типологически КаЯ и ЗКЯ имеют общий "полиперсональный глагол", принцип, который Деетерс [Deeters 1957 : 13 и сл.] определил следующим образом: "Глагольная форма посредством личных префиксов соотносится не только с субъектом, но и с объектом, а также с обстоятельственными оборотами различного рода".

Инкорпорирующий характер картвельского глагола делает присоединение ЛМ, собственно, излишним. Мартиросов [Martirosov 1964 : 110, прим. 10] как раз указал на то, что в грузинском ЛМ значительно реже употребляются в таких случаях, чем, например, в русском или английском языках и что их употребление в древнегрузинском языке чаще объясняется интерференцией, влиянием со стороны оригинала, с которого осуществлен перевод:

(25)

xolo me vszul, rametu me vcameb mistuis (I 7, 7) ἐμὲ δὲ μισεῖ, ὅτι ἐγὼ μαρτυρῶ περὶ αὐτοῦ – *šegačirveben šen da šen itqui : vin šemaxe me?* (Mrk 5, 31) βλέπεις τὸν ὄχλον συνθλίβοντά σε, καὶ λέγεις, τί μου ἤψατο.

Соммерфельт [Sommerfelt 1971] интерпретирует согласующиеся с грузинской глагольной формой именные члены предложения "как предикативные аппозитивы к элементам, содержащимся в глагольных формах". Такое толкование он в принципе применяет и в отношении более древних индоевропейских языков: "Как и индоевропейский корень, он [грузинский глагольный корень] выражает только глагольное действие в его наиболее чистом и простом виде. Существительные, исполь-

⁶ Автор определяет этот термин на фонологическом уровне как "ситуацию, при которой изменение в том или ином пункте системы превращает аллофоны той или иной фонемы в подлинные фонемы".

зуемые в качестве дополнений глагольных форм, не могут выступать в качестве подлежащих или элементов, осуществляющих управление, как в современных европейских языках, а имеют особые отношения с элементами, выражаемыми глагольной формой".

С типологической точки зрения особое место занимает внутри КЯ (в противоположность индоевропейским языкам) модель ВКЯ, которая характеризуется безличным глаголом. Сохранившийся в таком языке, как аварский, прототип с безличным глаголом и классным словоизменением (№ 6) вытесняется в некоторых ВКЯ (например, в удинском) новой моделью с редуцированным классным словоизменением и с личным словоизменением, появившимся вследствие местоименной агглютинации:

(26)

besa-z(u) "я делаю", *-n(u)*, *-ne*; pl. *-jan*, *-nan*, *-qun*.

В табасаранском языке, в котором классные различия ограничены оппозицией между классами "человек" : "не-человек", более древнее классное словоизменение согласуется с грамматическим субъектом, которому в переходном глаголе соответствует объект действия, а более позднее личное словоизменение, напротив, согласуется с агентом действия, включая и переходный глагол:

(27)

Интранз., класс "человек" : *ermi ti-r-xnuw* "человек летал" vs. класс "не-человек" : *zaqa ti-w-xnuw* "птица летала";

транз., класс "человек" : *izu d-isnu-za baj* "я (*izu*, *-za*) парня (*d*-, *baj*) поймал" vs. класс "не-человек" : *izu b-isnu-za zaqa* "я (*izu*, *-za*) птицу (*b*-, *zaqa*) поймал [Магомедов 1965 : 197 и сл.; Schmidt 1972].

При рассмотрении исторического развития восточнокавказской модели бросается в глаза, что она в результате появления личного словоизменения, возникшего на базе агглютинации, стоит в обратном пропорциональном отношении к личному словоизменению в каком-нибудь современном индоевропейском языке, например, в английском или норвежском, где оно, наоборот, часто утратило унаследованные индоевропейские личные окончания. Относительно этого явления Sommerfelt заметил: "В норвежском языке глагольная форма не выражает ни числа, ни лица, но только временные отношения".

Что касается синтактико-парадигматического расположения энклитических местоимений в индоевропейском, то оно определяется законом Вакернагеля [Wackernagel 1892; Collinge 1985], по которому энклитики занимают вторую позицию в предложении. Для реконструкции протоиндоевропейских синтаксических законов порядка слов это наблюдение имеет вместе с установлением базисного порядка слов ("субъект – объект – глагол") особый вес. Закон Вакернагеля имплицитно у сложных глаголов в древнеиндоевропейском позицию энклитических местоимений между превербом и глагольной основой, а при имеющемся в препозиции союзе с последующей несложной глагольной основой – их позицию между союзом и глагольной основой:

(28)

Др.-ирл. *du-s-gní* MI 29a, 3 "he carries it (fem.) out";

др.-лат. *ob vos sacre*; *sub vos place*: Fest. 190, 309;

греч. πρό μ' ἐπεμυε ἀναξ ἀνδρῶν Ἀγαμέμνων A 442;

вед. *sam mā tapanti* PB 1, 105, 8 "they torment me";

хет. *n(u)-an pešta* "he gave him" [Schmidt 1983 : 200].

Картвельские материалы к закону Вакернагеля известны [Schmidt 1969]. Т. Гамкрелидзе и Вяч. Иванов [Гамкрелидзе, Иванов 1984] старались на основе этого закона реконструировать синтагматическую структуру простого предложения в индоевропейском. Результат типологически сближается с построением картвельского глагольного комплекса с порядковым расположением: преверб – личный префикс – версионный гласный – корень и т.д. [Deeters 1930].

ВЫВОДЫ

Необходимо подчеркнуть, что типологические сравнения не имеют прямой доказательной силы для подтверждения генетического языкового родства. Но их ценность для историко-генетических реконструкций может косвенно состоять в том, что они указывают на параллельное или отклоняющееся развитие, что дает возможность сделать выводы относительно доисторических трансформаций.

Обобщенно сопоставление ЛМ и ПМ в картвельском и индоевропейском ведет к следующим результатам:

1. Часто встречающиеся аналогии, контаминации и смешанные формы у ЛМ и ПМ (см. № 2, 3, 4).
2. 3-е лицо ед. числа:
 - (а) в общем: совпадение с указательными местоимениями; дейксис (№ 7);
 - (б) в индоевропейском с родовыми различиями, в модели ВКЯ – с классным словоизменением (№ 5, 6).
3. Супплетивизм.
 - (а) индоевропейский номинатив vs. остальные падежные формы в 3-м лице ед. числа **se/*to*, в 1-м лице ед. числа, в 1-м и 2-м лицах множ. числа (см. № 10, 11) возникли из древнего активного падежа vs. из первоначально безударных энклитических неагентных элементов;
 - (б) картв. суппл. в 3-м лице ед. числа между немаркированным номинативом как *Casus Indefinitus* vs. остальные падежи (включая эргатив) (см. № 7); тип соответствует функционально принципу "двух основ";
 - (в) ПМ образованы от ЛМ (№ 12, 15, 23);
 - (г) картв. суппл., подтвержденный 1-м лицом ед. числа в грузинском и 1-м и 2-м лицом ед. числа (№ 13) в занской ветви;
 - (д) обобщение косвенной основы: 2-е лицо ед. ч. **škwen-* > *šen-* (с утратой **si*) в груз. (№ 13) можно сопоставить типологически с отношением древнеболгарского и литовского в 3-м лице ед. числа (№ 10);
 - (е) обобщение номинатива, эргатива и датива в сванском (№ 15) сопоставляется типологически с кельтскими тенденциями развития и.-е. **se/*to* (№ 10) и ведет через "secondary split" к дифференциации ЛМ и ПМ (№ 15).
4. Дефектный характер ЛМ
 - (а) ущербность имплицитно полифункциональность и.-е. энклитик (№ 19) и картв. номинатива, эргатива и датива (№ 13, 25);
 - (б) тенденция к построению монофункциональной парадигмы по именному образцу выражена в индоевропейском сильнее (№ 20, 21, 24) и ведет к сосуществованию функционально равнозначных ударных и безударных форм (№ 18);
5. ЛМ и глагол
 - (а) полисинтез ведет к избыточности ЛМ; частотность ЛМ в картвельском невысока;
 - (б) исключения из а) могут быть обусловлены калькированием (№ 25);
 - (в) безличное словоизменение > личное словоизменение через агглютинацию у ЛМ в ВКЯ, и это развитие типологически обратно пропорционально по отношению к фонетически обусловленному преобразованию личного словоизменения в и.-е. языках типа английского или норвежского (№ 26);
 - (г) отмирающее классное словоизменение наряду с развитым личным словоизменением в табасаранском отражает два грамматических признака разного возраста (№ 27);
 - (д) закон Вакернагеля является основополагающим для позиции местоименных элементов в картвельском и индоевропейском (№ 28).

Перевел с немецкого Г. Вернер

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гамкрелидзе Т В Иванов Вяч Вс* 1984 – Индоевропейский язык и индоевропейцы I–II Тбилиси, 1984
- Климов Г А* 1964 – Этимологический словарь картвельских языков М., 1964
- Магомедов А* 1965 – Табасаранский язык Тбилиси, 1965
- Рогова Г А Керашева З И* 1966 – Грамматика адыгейского языка Краснодар, Майкоп, 1966
- Чикобава А С* 1967а – Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов / Отв ред В М Жирмунский Л., 1967
- Чикобава А* 1967б – Грузинский язык // Языки народов СССР / Глав ред В В Виноградов М., 1967
- Bopp F* 1846 – Über das Georgische in sprachwissenschaftliche Beziehung // Abhandlungen der Königl Preußische Akademie der Wissenschaften Phil hist Klasse 1846
- Brugmann K* 1904 – Die Demonstrativa der indogermanischen Sprachen // Abhandlungen der Sachs Gesellschaft der Wissenschaften Phil hist Klasse 22, № 6, Leipzig, 1904
- Brugmann K* 1911 – Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen II, 2/1 2 Straßburg 1911
- Charachidze G* 1981 – Grammaire de la langue avar Paris 1981
- Čikobava A* 1938 – Čanur mergrul kartuli šedarebiti leksikonі Tbilisi, 1938
- Cikobava A Cercvadze I* 1962 – Xunzuri ena Tbilisi, 1962
- Collinge N E* 1985 – The laws of Indo European Amsterdam Philadelphia, 1985
- Deeters G* 1930 – Das Kharthwelische Verbum Leipzig, 1930
- Deeters G* 1957 – Die Stellung der Kharthwelsprachen unter den Kaukasischen Sprachen // Bedi Kartlisa 1957 Bd 23
- Deeters G* 1963 – Die Kaukasischen Sprachen Leiden, Köln, 1963
- Fahmich H* 1992 – Eine Abweichung von den Kartwelischen Sibilantenentsprechungen // Diachronica 1992 V 9 № 1
- Friedrich I* 1960 – Hethitisches Elementarbuch Tl 1 Kurzgefaßte Grammatik Heidelberg, 1960
- Gamqrelidze T* 1959 – Sibilantta šesatqvisobani da Kartvelur enata uzvelesi strukturis zogi sakitxi Tbilisi 1959
- Hockett Ch F* 1958 – A course in modern linguistics New York, Chicago, 1958 (7-th ed – 1964)
- Hoernigswald H M* 1960 – Language change and linguistic reconstruction Chicago, 1960
- Jungmann P* 1964–1965 – L'emploi de l'article défini avec le substantif en arménien classique // RE Arm 1964, 1, 1965, 2
- Klaus W Thomas W* 1960 – Tocharisches Elementarbuch Heidelberg, 1960
- Maitiurov A* 1964 – Nacvalsaxeli kartvelur enebši Tbilisi, 1964
- Penix H, Sarčveladze Z* 1990 – Kartvelur enata etimologium leksikonі Tbilisi, 1990
- Rix H* – 1976 – Historische Grammatik des Griechischen Laut- und Formenlehre Darmstadt, 1976
- Rosen G* 1847 – Über das Mingrelische, Svanische und Abchasische // Abhandlungen der Königl Preußische Akademie der Wissenschaften Phil-hist Klasse 1847
- Šanidze A* 1976 – Zveli kartuli enis gramatika Tbilisi, 1976
- Šanidze A* 1982 – Grammatik der altgeorgischen Sprache Tbilisi, 1982
- Schmidt G* 1978 – Stammbildung und Flexion der indogermanischen Personalpronomina Wiesbaden, 1978
- Schmidt K H* 1962 – Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache Wiesbaden, 1962
- Schmidt K H* 1969 – Zur Tmesis in den Kartvelsprachen und ihren typologischen Parallelen in indogermanischen Sprachen // Saubileo Krebuli G Axvlediani Tbilisi, 1969
- Schmidt K H* 1972 – Probleme der Typologie (Indogermanisch/Kaukasisch) // Homenaje a Antonio Tovar Madrid, 1972
- Schmidt K H* 1982 – Keltisch Hethitisches // Serta Indogermanica Festschrift für Günter Neumann Innsbruck, 1982
- Schmidt K H* 1983 – The Celtic languages in their European context // Proceedings of the Seventh International Congress of Celtic studies Oxford, 1983
- Schmidt K H* 1986 – Zur Vorgeschichte des prädikativen Syntagmas im Indogermanischen // O o-pe re-si Festschrift für Ernst Risch zum 75 Geburtstag / Hrsg von A Etter Berlin, New York, 1986
- Sommerfelt A* 1971 – Sur la notion du sujet en Géorgien // Diachronic and synchronic aspects of language s-Gravenhage, 1971
- Sturtevant E H* 1964 – A comparative grammar of the Hittite language New Haven, London, 1964
- Szemerényi O* 1989 – Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft Darmstadt, 1989
- Thurneysen R* 1946 – A grammar of Old Irish Dublin, 1946
- Wackernagel J* 1892 – Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // IF 1892 Bd 1 (=Wackernagel J Kleine Schriften I Göttingen, 1953)
- Wackernagel J* 1926 – Vorlesungen über Syntax Basel, 1926 (2 te Aufl – 1957)
- Wackernagel J* 1929–1930 – Altindische Grammatik III, Göttingen, 1929–1930 (репринт 1975)